

ДЕКАБРИСТ Г. С. БАТЕНЬКОВ — АВТОР ПЕРВОЙ РУССКОЙ КНИГИ О ДЕШИФРОВКЕ ИЕРОГЛИФОВ

В Отделе редкой книги Государственной библиотеки СССР им. Ленина с 1862 г. хранится никем не замеченная небольшая книжка, побывавшая за первые четыре десятилетия своего существования в руках многих людей, оставивших заметный след в развитии русской культуры и общественной мысли.

Ныне, через 130 лет после выхода в свет, когда раскрыт ее неизвестный автор, эта книжка напомнила нам о человеке, который по справедливости должен считаться одним из предшественников русской науки о древнем Египте, прославленной такими выдающимися учеными, как В. С. Голенищев, Б. А. Тураев и В. В. Струве.

Летом 1824 г. в типографии Н. И. Греча была отпечатана брошюра «О египетских письменах». На титульном листе, кроме заголовка и выходных данных, больше ничего не было. Только на последней — 107 странице вместо подписи стояла прописная буква «Б». Книгу разрешил к печати 8 июля 1824 г. известный цензор А. Красовский. Одновременно ее текст печатался в виде отдельных статей в №№ XXVIII–XXX и XXXII–XXXV «Сына Отечества», вышедших между 12 июля и 30 августа того же года и издававшихся тем же Н. И. Гречем. И здесь той же буквой была подписана лишь последняя статья. В 1826 и 1827 гг. появились польские переводы этой работы¹. И вновь имя автора не было указано, хотя полностью приводились имя и фамилия переводчика — Зигмунта Бартошевича. И, наконец, в начале 1827 г., помещая в «Московском телеграфе» статью «Замечания Шампольона на сочинение г-на Гульянова» («Opuscules archéologiques»), издатель журнала Николай Полевой снабдил ее следующим примечанием, дававшим оценку работе: «Мы давно хотели напечатать в Телеграфе краткое известие о сущности дел, но беспрестанно получая известия о новых спорах и новых открытиях, решились дождаться дальнейших и более положительных выводов. Русские читатели, дабы иметь понятие о началах и сущности Шампольонова открытия, могут прочесть ученую и прекрасно написанную статью: "О египетских письменах. . ."»². Кто скрывался за инициалом «Б» и Н. Полевой и его брат Ксенофонт, бывший фактически соредактором журнала, очевидно, хорошо знали. Известно, что Г. С. Батеньков был с ними знаком и что братья Полевые даже посылали ему личный экземпляр «Московского телеграфа»³. Приведенное примечание Н. Полевого наглядно показывает, с каким интересом следили в России за всем, что было связано с дешифровкой иероглифов — одной из основных проблем того времени в области гуманитарных наук.

Нельзя сказать, чтобы указанные статьи в «Сыне Отечества» прошли незамеченными для советских египтологов, интересовавшихся прошлым своей науки, но отдельное издание им осталось, очевидно, неизвестным. Правда, о нем не упоминается в основных библиографических указателях, как, например, «Списках» Г. Геннади или каталоге Смирдина. Об этих статьях писал А. В. Мачинский в комментариях к опубликованной им переписке Ж. Ф. Шампольона с А. Н. Олениным, говоря, что «Некий Б. напечатал подробное изложение содержания только что вышедшего труда Ж. Ф. Шампольона "Précis du système hiéroglyphique des anciens Egyptiens"»⁴. Несколько дальше пошел И. Г. Лившиц, который, ссылаясь на предположения проф. П. Н. Беркова, приписал эти статьи историку Василию Берху, «неоднократно и впоследствии писавшему о Шампольоне и его трудах»⁵.

¹ В журнале «Dziennik Wileński», 1826. Historia i literatura, t. II. sir. 73–105, 193–214, 269–291; отдельное издание: O pismie egipskiem szyli Hieroglyfach. Przekładał z rossyyskiego Zygmunt Bartoszewisz. N. G. W. Wilno (1827).

² Там же.

³ Е. П. Федосеева. Декабрист Г. С. Батеньков (опыт биографии). Л., 1947. С. 53. Диссертация, защищенная на степень кандидата исторических наук при ЛГУ. Экземпляр ее имеется в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

⁴ Проблемы истории докапиталистических формаций. Л., 1934, 4. С. 73.

⁵ Ф. Шампольон. Указ. соч. С. 230, прим. 4.

Однако историк России Василий Николаевич Берх (1781–1834) сотрудничал в «Сыне Отечества» в 1821, 1822 и 1829 гг., где помещал статьи географического содержания⁶. Ни одного подходящего имени не называл и общеизвестный «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Масанова. Берх в нем даже не упоминался. Ничего не дал и тщательный просмотр книги. Она состоит из пяти глав-статей и небольшой вводной заметки. В последней неизвестный автор очень ясно, несмотря на предельную краткость, излагал «существо открытия» Шампольона, а затем предупреждал о целях, которые он преследовал, выпуская в свет свою работу, так как буквальный перевод самого «Очерка иероглифической системы» «не для всех читателей был бы удобен». Таким образом, он предлагал широкой публике популярное «извлечение с приличными пояснениями по следующим предметам: 1) О состоянии наших познаний относительно египетских иероглифов прежде Шампольона (стр. 3–17). 2) Краткое начертание системы Шампольона (стр. 17–45). 3) Постепенное ее развитие, т. е. путь, которым открытие сделано, и по которому надлежит следовать в дальнейших изысканиях; ближайшее приложение новой системы, и существо доказательств (стр. 45–76); 4) Следствия, проистекающие из его открытия в других познаниях (стр. 76–98). К тому присовокуплены будут: 5) Особенно краткие примечания на сие творение (стр. 98–107)». И нужно признать, что автор вполне справился с нелегкой задачей, сократив текст (400 страниц и 10 глав изданного в «квартиру» тома Шампольона) до предела 95 страниц своей книжки значительно меньшего формата. Он разъяснил многие положения французского ученого и добавил от себя пятую статью, где дал общую оценку труда, подчеркивая его достоинства: «...Слог, язык Шампольона ясен и определителен: редко встречаются книги, занимающиеся столь ученым предметом, кои можно было бы читать с такою удобностью и с таким удовольствием... точность. В первых главах наблюдается она во всем пространстве. Каждое заключение выведено из подробного и тщательного рассмотрения и сличения, служащих к тому оснований; доказанные истины явственно отделены от предположений и догадок; нет и малейших признаков мечтательности: читая сии главы, можно подумать, что читаешь математическое творение» (стр. 105–106). Однако автор способен не только восхищаться трудом Шампольона. Он достаточно самостоятелен и критичен, чтобы иметь свое мнение и замечать недостатки. В частности, ему представляется менее убедительным содержание двух последних глав. «Не все содержащиеся в них заключения могут быть непосредственно выведены из доказанных прежде истин, не все объяснены примерами или подкреплены ссылками на памятники, но тем не менее все заключения, очевидно, стоят в связи общей системы... однако долг справедливости требует заметить, что хотя настоящие открытия о свойствах Египетских письмен весьма уже важны, но критика материалов еще не кончена, и извлечение системы предварило оную в некоторой мере. Впрочем, история наук представляет многочисленные тому примеры: в самой Математике отличные умы нередко делали подобные прозрения и оставляли потомству поверить и окончательно доказывать точность их открытий во всех подробностях и последствиях» (стр. 106–107). Книга дополняется литографированной таблицей, иллюстрировавшей текст наглядными примерами и изготовленной специально для русского читателя. В «Сыне Отечества» она отсутствует.

В Париже «Очерк иероглифической системы» поступил в продажу в середине апреля 1824 г. Анонимная книжка была разрешена к печати в далеком Петербурге 8 июля того же года, куда почта в тот век дилижансов и почтовых карет поспевала только педели через две. Очевидно, не только президент Академии Художеств, археолог и автор первых русских работ по палеографии Алексей Николаевич Оленин, — образованнейший человек своего времени и близкий знакомый почти всех выдающихся писателей, ученых и художников той поры, — с нетерпением ожидал выхода в свет новой работы Шампольона и запрашивал о ней самого автора⁷. Видимо с не меньшим вниманием дожидался ее и неизвестный нам последователь французского ученого, который в течение нескольких недель успел внимательно прочесть объемистый том, сжать его в понятную всякому образованному человеку маленькую

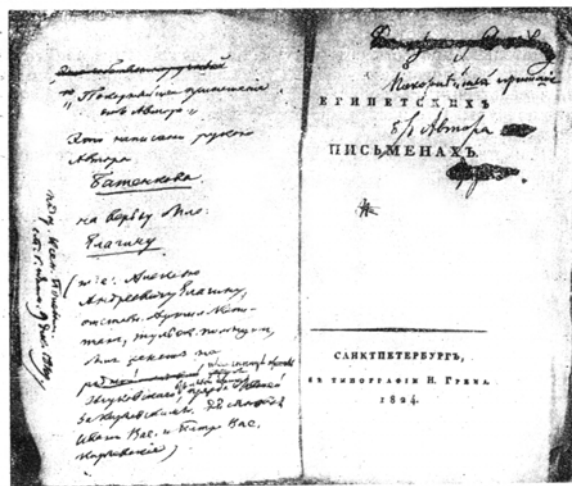
⁶ Русский биографический словарь. СПб, 1900, т. 2. С. 759.

⁷ И. С. Кацнельсон. Указ. соч. С. 180.

книжку, дополнить собственными соображениями и представить на утверждение цензуры. Кто же это мог быть? И как часто бывает, на помощь пришел случай...

При просмотре одного из разделов систематического каталога Государственной Библиотеки СССР им. Ленина нам довелось натолкнуться на карточку, где значилось: «Б[атеньков]. О египетских письменах». Выписанный из фонда экземпляр не дал ни малейшего основания для подобного отождествления. Недоумевали и библиографы, к которым пришлось обратиться за разъяснениями. И вот тогда-то второй экземпляр, хранившийся в Отделе редких книг, помог разрешить недоумение. На его титульном листе выцветшими от времени рыжеватыми чернилами крупным старинным почерком значилось: «Покорнейшее приношение от автора». Но от кого и кому было это «покорнейшее приношение», кто-то усердно замазал густыми чернилами.

Еще два зачеркнутых слова стоят в конце надписи. Выступающие части некоторых букв имени имеют явные следы правки. Именно эти выступающие части букв в сочетании с указаниями заметки на обороте обложки позволили установить сотруднице Отдела рукописей Государственной Библиотеки им. Ленина — Е. Н. Коншиной первоначальный текст надписи. Он гласил: «Елагину — покорнейшее приношение от автора». Затем «Елагину» было переправлено другим почерком на «Ксенофону Алексеевичу», а внизу были прибавлены зачеркнутые впоследствии слова «от друга». Обратную сторону обложки покрывали строчки, наспех набросанные другой рукой и почерком, более близким нашему времени: «Покорнейшее приношение от автора». Это написано рукою автора — *Батенькова*. Наверху было: «*Елагину*» (т. е. Алексею Андреевичу Елагину, отставн[ой] артел[лерийский] капитан, тульск[ий] помещик, был женат на племяннице Жуковского от первой сестры, прежде бывшей за Киреевским. Её сыновья Иван Вас. и Петр. Киреевские). Подар[ено] Ксен[офонтом] Полевым С.П.б. Пятн[ица] 9 дек[абря] 1849». Подобные пометки на книгах и рукописях обычно заслуживают доверия, особенно, если они принадлежат таким знатокам старой книги и библиофилам, каким

Титульный лист книги Г. С. Батенькова с его автографом и пометка С. Д. Полторацкого на обороте обложки

был Сергей Дмитриевич Полторацкий. А приведенные строки были написаны его рукой. Но никто никогда не слышал и не упоминал, чтобы декабрист Гавриил Степанович Батеньков — человек многосторонних и разнообразных интересов, выделявшийся даже между другими членами Тайного Общества, — увлекался египтологией, а тем более сам подвизался в этой науке. Справки в биографиях Батенькова, в том числе и в специально посвященной ей уже упомянутой диссертации Е. П. Федосеевой решительно ничего не дали. Никаких следов занятий Батеньковым египетской письменностью не сохранилось и в его обширном архиве,

находящемся в Отделе рукописей Государственной Библиотеки СССР им. Ленина⁸. Безрезультатным оказался и просмотр его переписки с Елагиными⁹. Г. С. Батеньков родился в Томске 25 марта 1793 г. В раннем детстве выучился татарскому языку у ссыльного графа Салтыкова, видимо, большого любителя этого языка¹⁰. Окончив 2-й кадетский корпус, он в 1812 г. поступил в артиллерию и участвовал в освободительных войнах с Наполеоном, был тяжело ранен и, подобно многим другим декабристам, с победоносными русскими войсками дошел до Парижа. В армии, в 13-й артиллерийской бригаде завязалась его дружба с А. А. Елагиным, продолжавшаяся до смерти последнего (1846). Уже будучи офицером, Батеньков изучил инженерное дело. Выйдя в 1816 г. подполковником в отставку, он вернулся в родную ему Сибирь. В Иркутске, где он служил по ведомству путей сообщения, соорудил набережную на р. Ангаре¹¹. Здесь, в 1819 г. ему довелось встретиться с известным государственным деятелем М. М. Сперанским, бывшим тогда в почетной ссылке. Знакомство перешло в дружбу, и после переезда в Петербург Г. С. Батеньков, получив назначение в Управление военными поселениями, остановился на квартире у Сперанского, возвратившегося в столицу весной 1821 г. Жил тогда Сперанский в бельэтаже известного в старом Петербурге дома Лазаревых, где армянская церковь, что на Невском проспекте. Вскоре, однако, Батеньков перешел в дворовый флигель, сняв квартиру из трех комнат и на третьем этаже¹². Здесь его и арестовали 28 декабря 1825 г. Участь Г. С. Батенькова оказалась наиболее жестокой, если не считать пятерых повешенных на кронверках Петропавловской крепости. 21 год 1 месяц и 18 дней провел он в одиночном заключении, из них 19 лет в каменных мешках Алексеевского равелина. Владея отлично французским и немецким языками, Г. С. Батеньков самостоятельно выучил греческий и латинский¹³, знание которых ему не мог дать кадетский корпус. Чтобы заполнить бесконечно тянувшиеся дни в Петропавловской крепости, он приступил к занятиям древнееврейским языком и в скором времени свободно пользовался им при сличении переводов библии на старые и новые языки — чему предавался с увлечением. Нужные для этого книги беспрепятственно через коменданта доставлялись из Публичной Библиотеки¹⁴. Почему постигла Батенькова столь тяжкая кара, сказать трудно: он был одним из наиболее умеренных членов Тайного Общества. Специалисты предлагают разные и притом очень несхожие между собою объяснения, а исследование этого вопроса не входит в круг наших задач¹⁵. Об узнике вспомнили только в январе 1846 г. и выслали его на родину — в Томск «с учреждением за ним строгого наблюдения», хотя за долгие годы, проведенные в тесных казематах, он разучился ходить, а говорить вовсе отвык. Его стихотворение «Одичалый», помещенное в «Русской Беседе» (1859, № 3, стр. 6–12) и подписанное единственным до сих

⁸ Л. М. Иванова. Фонд Г. С. Батенькова. Государственная Библиотека СССР им. Ленина. Записки Отдела рукописей. Вып. XIII. М., 1952. С. 43–56. Фонд насчитывает 506 единиц хранения на 7 тыс. листах и охватывает 1816–1825 гг. и 1846–1863 гг.

⁹ Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля под общей редакцией Б. П. Козьмина. Государственная Библиотека СССР им. Ленина. Отдел рукописей. Из архива Елагиных. М., 1936 и публикация его писем М. Г. Гершензоном во 2-м томе «Русских Пропилеев». М., 1916.

¹⁰ «Русская Старина», 1889, № 8. С. 304.

¹¹ Г. М. Котляров. Г. С. Батеньков в Сибири 1817–1819 гг. Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов, т. 2. М., 1933. С. 145 и сл.

¹² А. Г. Яцевич. Пушкинский Петербург. Л., 1935. С. 310–312.

¹³ А. Лучшев. Декабрист Г. С. Батеньков. «Русский Архив», 1886, № 6. С. 277.

¹⁴ «Русская Старина», 1889, № 8. С. 328.

¹⁵ См. подробную библиографию в указанной выше книге: письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля под редакцией Б. П. Козьмина, с. 227–233 и вводную статью А. Л. Сабурова к публикации писем Г. С. Батенькова, с. 44–45; Б. Л. Модзалевский. Русский исторический журнал, 1918, № 5, с. 101–153 и, особенно уже упомянутую диссертацию Е. П. Федосеевой, которая, сопоставив все источники, приходит к заключению, что это было «жесточайшей мезьей царя одному из видных деятелей Северного Общества декабристов, авторитетнейшему среди них и видному государственному чиновнику (намеченному декабристами во Временное Правительство), мезьей за убежденную апологию декабрьского восстания и отказ дать компрометирующие показания о Сперанском» (с. 155). Вместе с тем, несомненно, что длительное одиночное заключение повлияло на психику Батенькова, который, как это убедительно доказал Б. Л. Модзалевский, страдал приступами помешательства на религиозно-мистической почве.

пор зарегистрированным псевдонимом Батенькова «О–е–а» (гласные буквы фамилии, расположенные в обратном порядке)¹⁶, несомненно, автобиографично. Только после смерти мстительного Николая I, до последнего дня не простившего своих «друзей 14 декабря», смог 63-летний старик в 1856 г. возвратиться в европейскую Россию. Последние семь лет жизни он провел в Калуге подле своих друзей Елагиных. Здесь он и умер 71 года — 29 октября 1863 г., завещав похоронить себя рядом с А. А. Елагиным. Свидетельством этих близких отношений служит обширная переписка и с самим Елагиным, и с его женой Авдотьей Петровной. Она не прервалась даже тогда, когда Авдотья Петровна овдовела. Большинство этих писем издано. Они показывают, как широки были литературные и научные связи Батенькова, как разносторонни были его интересы. Он интересовался раскопками раннеславянских городищ, редактировал для грамматики Н. И. Греча таблицы спряжений, запоем читал Байрона, следил за последними литературными новинками, участвовал в журнальной полемике. Но о египетских письменах нет ни единого упоминания. Таким образом, единственным подтверждением правильности пометки С. Д. Полторацкого оставался интерес, проявленный Г. С. Батеньковым к языковедческим занятиям.

Первые указания на возможность авторства Г. С. Батенькова были получены неожиданно и притом в совершенно иных документах, а именно в выборочном списке его обширной библиотеки, составленном на основании описи, произведенной после ареста¹⁷. Библиотека, включавшая 557 названий (в том числе и многотомные), вновь показывает энциклопедичность интересов ее хозяина. Здесь были представлены сочинения по гуманитарным наукам, математике и технике. Имелось 15 грамматик русского, славянского, немецкого, французского, английского, латинского, греческого, древнееврейского и татарского языков. Под № 147 значилась книга «О египетских письменах», а под № 251 «Précis du système hiéroglyphique» Ж. Ф. Шампольона. Мимоходом А. А. Сабуров, который приложил этот выборочный список книг к своей статье, замечает, что Г. С. Батеньков занимался египетскими древностями со Сперанским¹⁸. Источником своей осведомленности А. А. Сабуров не указал. Хотя книга «О египетских письменах» с автографом автора находилась буквально в соседнем зале, он и не подозревал о ее существовании. В приложенном к статье списке всех изданных сочинений и показаний Г. С. Батенькова эта работа не упомянута.

Дальнейшие указания содержались в воспоминаниях Н. И. Греча. Кому как не ему, вездесущему и всезнающему журналисту и издателю, по совместительству вместе с Булгариным состоящему в осведомителях, притом даже не очень тайных, у Бенкендорфа и Дубельта, было не знать, кто чем занимается и интересуется. А с Г. С. Батеньковым он был хорошо знаком, и имя последнего часто встречалось на страницах его записок. Со многими видными декабристами, например Бестужевым и Рылеевым, Батеньков познакомился благодаря своим литературным связям с «Сыном Отечества». Он бывал у Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина, и именно Н. И. Греч издал в своей типографии анонимную книжку «О египетских письменах». Итак, Н. И. Греч писал: «Батеньков жил в Петербурге у Сперанского (в доме армянской церкви), занимался науками, например, изъяснением египетских иероглифов...»¹⁹ Действительно Сперанский и Батеньков, встречаясь, а встречались они в 1823–1824 гг. часто, предавались занятиям, для нас знающих круг их интересов с совершенно иной стороны, несколько неожиданным: они с увлечением изучали египетскую письменность. Стремясь выгородить Сперанского, который, видимо, подозревал о существовании заговора, — ведь декабристы прочили его в состав предполагаемого правительства, — Батеньков сообщил 31 марта 1826 г. в показаниях, названных стыдливо «воспоминаниями» в «Русской Старине»: «Все мои сношения со Сперанским были тогда единственно по занятию мною си-

¹⁶ И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. 2–3. М., 1949. стр. 158.

¹⁷ А. А. Сабуров. Указ. соч. С. 16. Писарская копия «Опись библиотеки Батенькова» на 24 л. (1826) хранится в Отделе рукописей Государственной Библиотеки СССР им. Ленина, архив № 13/56. См. указанную публикацию Л. М. Ивановой. С. 55.

¹⁸ А. А. Сабуров. Указ. соч. С. 24.

¹⁹ Н. И. Греч. Записки о моей жизни. Л., 1930. С. 504.

стемю египетских письмен, ибо и он занимался древностями...»²⁰ Наконец, сравнение почерка автографа на титульном листе с почерком писем Батенькова 1824 г. показало их тождество. Оставалось замкнуть круг и проследить, каким образом книга попала в руки Ксенофонта Полевого, установить, насколько он мог быть точно осведомлен о возможности авторства Г. С. Батенькова, и, наконец, причины, побудившие его подарить эту библиографическую редкость С. Д. Полторацкому. Это оказалось менее сложным. Ксенофонт Алексеевич Полевой (1801–1867) весьма посредственный писатель, журналист и критик, упоминается в энциклопедиях и различных трудах по истории русской литературы и общественной мысли не столько ради собственных заслуг и сочинений, сколько благодаря своему значительно более талантливому брату Николаю Алексеевичу Полевому (1796–1846), также писателю, публицисту, историку и критику — основателю передового для своего времени журнала «Московский Телеграф». К. А. Полевой до самой смерти благоговел перед памятью старшего брата и оставил объемистый том «Записок о жизни и сочинениях Н. А. Полевого». В них мы читаем: «Говоря о... знакомых... Николая Алексеевича, не могу не упомянуть о небольшом искреннем кружке..., который образовался около этого времени в нашем доме. Он состоял большей частью из молодых людей, пламенно любивших литературу. Из числа их должен я упомянуть прежде, нежели о других об Иване Васильевиче Киреевском, потому что он был знаком с нами еще прежде издания «Московского Телеграфа»²¹ Как уже упоминалось, И. В. Киреевский был пасынком друга Батенькова — А. А. Елагина. Его мать — Авдотья Петровна Елагина (1789–1877), урожденная Юшкова, племянница по матери поэта В. А. Жуковского, в первом браке Киреевская, овдовев в 1812 г., вышла вторично замуж в 1817 г. В 1821 г. она переехала из своего имения в Москву и здесь принимала живое и непосредственное участие в жизни литературных и ученых кружков. Она и ее подростки сыновья от первого брака Иван Васильевич (1806–1856) и Петр Васильевич (1808–1856) Киреевские, будущие идеологи славянофильства, были непременными членами всех собраний у Н. А. Полевого. Затем Елагина открыла собственный литературный салон. В ее гостиной можно было встретить Пушкина, Одоевского, Вяземского, Кюхельбекера, Гоголя, Герцена и еще многих других, чьи имена дороги каждому русскому человеку²². Вполне вероятно, что А. П. Елагина или кто-нибудь из членов ее семьи подарил книгу с редким автографом тогда еще другу дома — Ксенофону Полевому на память об общем близком знакомом. Уже отмечалось, что братья Полевые были в дружественных отношениях с Г. С. Батеньковым. Строчки, указывавшие, кому подарена книга, были зачеркнуты, конечно, после ареста дарителя, дабы не навлечь возможных нежелательных подозрений и неприятных объяснений. Анонимно изданная книжка, автор которой был известен ограниченному кругу, ничьего внимания возбудить не могла. Еще до этого поверх слова «Елагину» тем, кто подарил книгу Ксенофону Полевому, было написано: «Ксенофону Алексеевичу». Последнее зачеркнутое слово, также написанное не Батеньковым, скорее всего было «другу». Таким образом, вторичная надпись гласила: «Ксенофону Алексеевичу покорнейшее приношение от автора-друга»²³.

Этот дар Ксенофонт Полевой мог получить только до начала 1830 г. Тогда между ним и Киреевским, а следовательно, и Елагиными, произошел полный разрыв, вызванный журнальной полемикой²⁴, на причинах которой здесь останавливаться неуместно.

Осенью 1825 г., когда Полевые, Киреевские и Елагины встречались чуть ли не ежедневно, Н. А. Полевой познакомился с будущим известным библиофилом и библиографом, владельцем огромной родовой библиотеки, с годами им значительно приумноженной —

²⁰ Граф М. М. Сперанский и граф А. А. Аракчеев (по воспоминаниям Г. С. Батенькова, написанным 31 марта 1826 г.). «Русская Старина», 1897, 10. С. 88. Подлинник показаний Г. С. Батенькова хранится в ЦГИ-АМ, ф. 48, д. 11, л. 43.

²¹ Записки К. Л. Полевого. СПб., 1888. С. 151–152.

²² Об Л. П. Елагиной см. «Русский Архив», 1877, №№ 7 и 8. Статья П. Б[артенева]; «Северный Вестник», 1877, №№ 68 и 69. Некролог, написанный Д. Кавелиным.

²³ Зачеркнутые слова прочтены К. Н. Коншиной — научным сотрудником Отдела рукописей Государственной Библиотеки СССР им. Ленина, которой я пользуюсь случаем выразить свою признательность.

²⁴ К. Полевой. Указ. соч. С. 308–310.

Сергеем Дмитриевичем Полторацким (1803–1884)²⁵. «Дружба этого благородного человека была истинным услаждением моего брата и продолжалась до смерти Николая Алексеевича», — писал в своих «Записках» Ксенофонт Полевой²⁶. Полторацкому Николай Полевой посвятил свой перевод «Гамлета», а Ксенофонт Полевой впоследствии подарил ему неоконченную рукопись Алфавитного словаря русских писателей, который братья начали составлять, но приостановили после буквы «Е», отвлекшись изданием «Московского Телеграфа»²⁷. Вполне естественно, что и редкая брошюра с автографом автора-декабриста в конце концов попала в руки Полторацкого. У него она находилась 13 лет. В 1862 г. при основании Московского публичного музея значительная и притом лучшая часть библиотеки Полторацкого в количестве 7250 томов была приобретена для Музея. Кроме библиографических и биографических пособий, ценных по своей полноте коллекций русских и иностранных периодических изданий, в Музей перешли «некоторые замечательные но редкости в продаже статьи»²⁸. Именно к последней категории должна быть, очевидно, отнесена интересующая нас брошюра. Здесь в Библиотеке им. Ленина она пролежала без малого сто лет, пока не открыла нам имя человека, память которого мы должны чтить не только, как отважного борца за свободу, но и как одного из предшественников отечественной науки о древнем Египте.

Уже приходилось отмечать, что наиболее образованные и передовые представители русской интеллигенции 20–30-х годов XIX в. горячо откликнулись на труды Шампольона, и, как мы увидим в дальнейшем, помогали ему в борьбе с многочисленными озлобленными противниками, то отрицавшими научную ценность его трудов, то стремившимися присвоить приоритет открытия. Приведем еще несколько примеров тому, как оценивали лучшие русские люди — современники и последующее поколение — значение дешифровки иероглифов. Вот что записал в свой дневник 27 марта 1827 г. после посещения Публичной библиотеки, где ему показывали рисунки египетских древностей, летописец культурной жизни обеих столиц середины XIX в., стоявший в центре их научной и литературной жизни, профессор литературы Петербургского университета, а впоследствии академик А. В. Никитенко: «Смотря на снимки с гигантских зданий, пощаженных самим временем, на барельефы с изображением символов и религиозных процессов, проникаешься чувством бесконечного, которое лежит в основе египетского мировоззрения. Но не все барельефы изящны. Иные больше поражают необычайностью фигур, как те. например, где эти фигуры с птичьими носами, но на человеческих лицах. Тут же никакой красоты, но есть свой смысл, свое значение, разгаданное французским ученым Шампольоном. который так остроумно нашел ключ к пониманию египетских иероглифов»²⁹.

В 1833 г. О. И. Сенковский, сочетавший талант и знания блестящего ученого ориенталиста с беспринципным, рассчитанным на низменные вкусы, пошлым зубоскальством продажного ретроградного журналиста, издал «Фантастическое путешествие», скрыв свою фамилию под псевдонимом — барона Брамбеуса. В этом образцовом произведении желтой прессы подвергались глумлению и осмеянию крупнейшие открытия в различных областях науки, в том числе и дешифровка иероглифов Шампольоном. «Фантастическое путешествие» вызвало негодование всех, кому дороги были научные познания и прогресс. Первыми на защиту их выступил редактор «Телескопа» П. И. Надеждин, в котором странным образом Политический консерватизм и клерикализм уживались с наиболее передовыми тогда взглядами на искусство и науку³⁰.

²⁵ Ю. И. Масанов. Сергей Дмитриевич Полторацкий. «Советская Библиография», 1947. вып. II. С. 71.

²⁶ К. Полевой. Указ. соч. С. 215.

²⁷ Там же. С. 152, прим. 1.

²⁸ Отчет по Московскому публичному музею от времени основания его до 1 января 1864 г. Представлен директором Музея А. В. Исаковым. СПб., 1864. С. 71–72. Н. Бокачев. Описи русских библиотек. СПб., 1890. С. 138–139.

²⁹ А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I. СПб., 1893. С. 221.

³⁰ Еще в 1832 г., тотчас после смерти Шампольона, он поместил его некролог, где подчеркивал приоритет дешифровки иероглифов и выдающиеся моральные качества «славного труженика». «Телескоп», ч. 7. М. 1832. С. 604–614.

В статье, озаглавленной «Барон Брамбеус и здравый смысл», он писал: «Его путешествие на Медвежий остров есть не что иное, как непрерывное ругательство над геологическими открытиями Кювье и иероглифической системой Шампольона, над сравнительной Анатомией... Кювье и Шампольон! Мужики великие, достойные алтарей во храме науки!»³¹ Затем последовала отповедь В. Г. Белинского, напечатанная в «Литературных мечтаниях», где В. Г. Белинский ядовито высмеивал Сенковского за то, что он «своею фантастическою книгою на смерть прилепнул Шампольона и Кювье — двух величайших шарлатанов и надувателей, которых невежественная Европа имела глупость почитать доселе великими учеными»³². В. Г. Белинский и впоследствии возвращался к этому вопросу: «Надо сказать, что Поль де Кок, как плебей, не столь заносчив как барон; он не пускается в ученость и не острит над Шампольонами и Кювье, помня пословицу: "Знай сверчок свой шесток"»³³. Откликнулся и редактируемый А. С. Пушкиным «Современник», в котором появилась статья князя В. Ф. Одоевского — писателя и музыканта, которого так ценили за его тонкое художественное дарование и А. С. Пушкин, и Н. В. Гоголь. Эта статья, названная «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе», получила впоследствии благожелательную оценку В. Г. Белинского³⁴. «Названия наук, неизвестных нашим сатирикам, — возмущался Одоевский, — служат для них обильным источником для шуток, словно для школьников, досаждующих на ученость своего школьного учителя; лучшие умы нашего и прошедшего времени: Шампольон, Шеллинг, Гегель, Гаммер, ... снискавшие признательность всего просвещенного мира, обращены в предметы лакейских насмешек, «лакейских» говорим, ибо цинизм их таков, что может быть порожден лишь грубым, неблагодарным невежеством»³⁵. Наконец, лет двадцать спустя, подводя итоги беспринципной и бесславной литературной деятельности Сенковского, Н. Г. Чернышевский в своих знаменитых «Очерках гоголевского периода русской литературы» упрекал его и за необоснованные нападки на Шампольона, называя их «лилипутскими забавами», которые «морочат публику»³⁶.

Характерно, что ни Н. Г. Чернышевский, ни В. Г. Белинский ни разу не упоминают имя Гулянова, точно не он был автором объемистых томов об иероглифическом письме, хотя тот и другой живо откликнулись на каждое сколько-нибудь значительное событие научной жизни России.

Наконец, как известно, Шампольон в один день с Гете и Нибуrom — 10 января 1827 г. — был избран в почетные члены Петербургской Академии наук и лишь только три года спустя (7 мая 1830 г.) его удостоили такой же чести на родине — во Франции, где он был избран в члены Академии надписей.

К сожалению, несколько лет тому назад отдельные историки, ошибочно поняв борьбу за приоритет в некоторых научных открытиях, сделанных русскими учеными, пытались умалить заслуги Шампольона. Они пытались выдвинуть на его место И. А. Гулянова — сына молдавского господаря греческого происхождения Маврокордато, бежавшего при Екатерине II в Россию. Впрочем, это не мешало им пользоваться переводами древнеегипетских текстов, сделанных по методу Шампольона, а не Гулянова.

Что касается И. А. Гулянова, то к подлинной науке он имел отдаленное отношение. Память об этом самоуверенном дилетанте и карьеристе в науке сохранилась только благода-

³¹ «Телескоп», ч. 21, М., 1834. С. 253.

³² Напечатано в «Молве» за 1834 г. Цитируется по полному собранию сочинений В. Г. Белинского под ред. С. А. Венгерова, т. I, 1900. С. 311.

³³ Там же, т. 12, 1928. С. 228.

³⁴ Отзыв В. Г. Белинского на «Сочинения князя В. Ф. Одоевского». СПб., 1844, напечатанный в «Отечественных записках» за 1844 г. Цитируется по полному собранию сочинений В. Г. Белинского, т. 9. СПб., 1910. С. 23–25.

³⁵ «Современник», 1836, № 1–2. С. 206–218. Цитируется по сочинениям князя В. Ф. Одоевского, ч. III. СПб., 1844. С. 365, 370–371.

³⁶ Н. Г. Чернышевский. «Очерки гоголевского периода русской литературы». СПб., 1892. С. 61–62, 71. Впервые напечатано в «Современнике», 1856, № 1.

ря его вздорным нападкам на Шампольона, которыми он отвлекал его от серьезной работы³⁷. И только им он обязан спасением от полного забвения. Кандидатуру Гульянова и члены Российской Академии, бывшей оплотом реакции, выдвинул в 1821 г., т. е. до завершения открытия Шампольона, известный ретроград и мракобес адмирал А. С. Шишков³⁸ по вполне понятным причинам: сам Гульянов, по свидетельствам современников, был «истинным консерватором, и по личным убеждениям и по роду своих занятий весьма дорожил чинами»³⁹. Его идеалы лучше всего характеризует его же собственное письмо к историку М. П. Погодину: «Я желаю возможное и справедливое, желаю чина статского советника со старшинством, желаю 2000 рублей жалования и дозволения ехать в чужие края и заниматься там продолжением моих трудов и изданием оных»⁴⁰. В программной речи Гульянова, произнесенной по случаю избрания в Российскую академию, полностью отразились взгляды, этого самовлюбленного путаника, отрицавшего и логику⁴¹, и синтаксис, но зато проповедовавшего теорию о непосредственно божественном происхождении языка. Речь И. А. Гульянова, как впрочем и все остальное им написанное, отразила наиболее реакционные взгляды конца царствования Александра I, когда в науке почти безраздельно господствовали Магницкие и Руничичи⁴².

Рекламировали его труды преимущественно такие же консерваторы, как и он сам. Например, тот же историк М. П. Погодин, а поддержку в науке ему оказывали такие сомнительные личности, как Ю. Клапрот, также дилетант в египтологии, исключенный из экстраординарных академиков Петербургской Академии наук за «недостойное поведение в 1812 году»⁴³. Избытком «достойности» его поведение видимо не отличалось и позднее: недаром К. Маркс, характеризуя в письме к Ф. Энгельсу от 7 марта 1856 г. работу французского филолога Ф. Эйхгоффа о славянах, писал: «Эйхгофф был и раньше мне известен как филологический шарлатан, перешарлатанивший даже Клапрота (который все же кое-что знал)»⁴⁴.

Не Гульяновым, чьи всеми забытые сочинения могут интересовать только библиографов или историографов, должны гордиться советские востоковеды и историки, а тем, что наши предки, вопреки всяким Гульяновым, признали значения гениальных работ французского ученого, открывшего новые пути в науке. Не Гульянова «обесславившего себя выступлениями против великого открытия Шампольона»⁴⁵, советские египтологи должны считать одним из предшественников этой науки в России, а декабриста Г. С. Батенькова, твердо верившего в лучшее будущее своей отчизны и отдавшего делу ее освобождения свою жизнь.

³⁷ Вот пример стиля Гульянова в полемике с Шампольоном: «Что же касается до меня, то я уже привык к системе г. Шампольона и давно уже не дивлюсь ни произвольности его утверждений и отрицаний, ни непоколебимости толкований его и перетолков, ни высокопарной пустопорожности его обещаний, ниже догматическим противоречиям, которыми переполнены пресловутые его сочинения». Замечания о Дендерском зодняке (Письмо к издателю «Телескопа»). «Телескоп», ч. 14. М., 1831. С. 150.

³⁸ М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. 7, СПб, 1885. С. 469–470. «Сборник Отдела Русского Языка и словесности Академии Наук», т. XXXVII, № 1.

³⁹ Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 3, СПб., 1890. С. 335.

⁴⁰ Там же. С. 336.

⁴¹ «Логика — учение, возникшее древле от избытка ума и покоряющая выкладкам своим здравый рассудок» — И. А. Гульянов. Речь об образовании и существе языков... СПб, 1821. С. 25–26.

⁴² Речь Гульянова «претенциозная и причудливо-высокопарная ничего не внесла в нашу науку, и все ее похвалы и обещания так и остались словами. Описываемого в ней переворота в языкознании труды ее автора не произвели, да и не могли произвести». С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. I. СПб, 1904. С. 608.

⁴³ «Записки Историко-филологического факультета СПб Университета».

⁴⁴ «A cause de sa conduite indigne monlré en 1812». Это решение было постановлено широко опубликовать. Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg, t. VIII. Avec l'histoire de l'Académie pour les années 1817 et 1818. St.-Petersbourg, 1822. P. 7.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII. С. 129.

⁴⁶ «Гульянов И. А.» статья Б. А. Тураева в Новом Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. СПб, т. 15. С. 247.